

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Н. Р. Сумбатова, Ю. А. Ландер

При участии М. Х. Мамаева

ДАРГИНСКИЙ ГОВОР
СЕЛЕНИЯ ТАНТЫ:
ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.
ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2014

УДК 811.35
ББК 81.2-67
С 89

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 14-04-16075

При участии *М. Х. Мамаева*

Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А.

С 89 Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса: монография. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 752 с., вклейка (Studia philologica).

ISBN 978-5-9906039-6-7

Монография содержит описание грамматической структуры даргинского идиома селения Танты, расположенного в центральном Дагестане и принадлежащего к нахско-дагестанской языковой семье, а также детальное обсуждение ряда вопросов, связанных с интерпретацией тантынских языковых данных. Тантынский идиом характеризуется сложными и неординарными системами именного и глагольного словоизменения, характерной для дагестанских языков эргативностью, на которую, однако, накладывается редкое для семьи личное согласование, и рядом других нетривиальных черт. В работе специально рассматриваются специфика конструкций именной группы, глагольных конструкций, синтаксическая структура простых предложений различных коммуникативных типов, категории согласования. Монография также включает небольшой корпус тантынских текстов и словарные материалы.

УДК 811.35
ББК 81.2-67

ISBN 978-5-9906039-6-7

© Издательство «Языки славянской культуры», 2014
© Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А., 2014
© Авторы, фотографии, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Даргинский язык: генетические и социолингвистические сведения	13
Традиция описания даргинских диалектов и сведения о тантынском диалекте	19
Оформление работы	22
Список использованных текстов	34
Список информантов (с. Танты)	35
Глава 1. Грамматический очерк тантынского диалекта	37
1.1. Фонетика и морфонология	40
1.2. Части речи	44
1.3. Именные части речи	46
1.4. Наречия	100
1.5. Глагол и глагольные категории	101
1.6. Служебные части речи	148
1.7. Краткие сведения о синтаксисе	166
1.8. Выводы	182
Глава 2. Вопросы морфосинтаксиса именной группы	185
2.1. Общая характеристика именной группы. Типы зависимых элементов	187
2.2. Конструкции именной группы	191
2.3. Инкорпорация атрибутивов	211
2.4. Категория контрастивности	220
2.5. Согласование в именной группе	228
2.6. Посессивная конструкция и атрибутивный суффикс	233
2.7. Заключительные замечания	237
Глава 3. Классы предикатов и конструкции предложения	239
3.1. Классификация предикатов	244
3.2. Синтаксические конструкции, образуемые переходными глаголами	261
3.3. Антипассив, А-лабильность и проблема переходности в даргинском языке	286
3.4. Выводы	296
Глава 4. От предикации к предложению: иллокутивная сила и информационная структура	299
4.1. Основные понятия	302
4.2. Средства выражения иллокутивной силы и информационной структуры в даргинском языке	319
4.3. Декларативные предложения	337
4.4. Вопросительные предложения	378
4.5. Побуждения и пожелания	404
4.6. Экскламативные предложения	408
4.7. Структурные особенности предложений различных иллокутивных типов	412

4.8. Связки, их функции и место в синтаксической структуре предложения.....	416
4.9. Выводы.....	425
Глава 5. Классное согласование и основы структуры предложения.....	429
5.1. Классное согласование в нахско-дагестанских языках.....	432
5.2. Общая характеристика согласования по именному классу в даргинском языке.....	433
5.3. Классное согласование идентифицирующих связок: основные факты.....	450
5.4. Согласование с переменным контролером: проблема описания.....	459
5.5. Классное согласование экзистенциальных связок.....	482
5.6. Структура связочной группы.....	495
5.7. Общее правило контроля классного согласования в тантыньском диалекте.....	522
5.8. Выводы.....	533
Глава 6. Личное согласование в даргинском языке в сравнении с другими языками нахско-дагестанской семьи.....	537
6.1. Личная иерархия и личное согласование в языках нахско- дагестанской семьи.....	540
6.2. Личное согласование в даргинском языке: основные сведения.....	565
6.3. Категория лица в даргинском языке: обобщение.....	581
6.4. Проблема происхождения личных показателей в лакском и даргинском языке.....	584
6.5. Происхождение личного согласования в нахско-дагестанских языках: некоторые предположения.....	593
6.6. Личное согласование в тантыньском диалекте.....	603
6.7. Выводы.....	607
Заключение: результаты исследования и нерешенные задачи.....	609
Приложение 1. Материалы к словарю тантыньского диалекта.....	615
Глаголы.....	615
Существительные.....	633
Прилагательные и наречия.....	645
Русско-тантыньский словарь.....	647
Приложение 2. Глоссированные тексты на тантыньском диалекте.....	663
Шейх и абаз.....	663
Мулла Насреддин и кади.....	667
Пастух и лиса.....	671
Вара-вара.....	681
Дележка озера.....	684
Святая тень.....	686
Ферма (описание картинки).....	693
Овечья история.....	699
Истории бабушки Патимат.....	714
Литература.....	725

ВВЕДЕНИЕ

Наша работа представляет собой описание фрагментов грамматики говора селения Танты Акушинского района Дагестана (даргинский язык)¹. Она включает краткий грамматический очерк тантынского идиома (Глава 1) и несколько разделов, содержащих более подробное описание отдельных аспектов тантынского синтаксиса (Главы 2—6). Исследование ограничено рамками простого предложения; хотя в нескольких разделах мы касаемся проблем, связанных с устройством и описанием полипредикативных конструкций, эти вопросы все же остаются на периферии нашего внимания.

Первая глава, содержащая грамматический очерк тантынского диалекта, является преимущественно описательной. В ней затронуты все основные разделы тантынской грамматики, но далеко не в равной степени: если описание именной и глагольной морфологии сравнительно полно, то сведения о фонетике и синтаксисе полипредикативных конструкций даются лишь в общих чертах. Тем самым данная глава (как и книга в целом) не может рассматриваться как полноценное грамматическое описание тантынского диалекта даргинского языка, хотя и может быть полезна как источник сведений о не описанном ранее даргинском идиоме. Кроме того, информация, содержащаяся в Главе 1, необходима для понимания содержания последующих разделов.

Остальные главы книги, посвященные описанию синтаксических проблем, в большей степени содержат элементы анализа и обсуждение теоретических вопросов, возникающих в процессе анализа того или иного аспекта тантынского синтаксиса.

Вторая глава посвящена структуре именных групп. Здесь подробно описываются такие вопросы, как состав элементов именных групп,

¹ Обсуждение статуса тантынского идиома см. ниже, в разделе «Традиция описания даргинских диалектов и сведения о тантынском диалекте» Введения. Мы считаем допустимым использование термина *тантынский диалект*.

взаимоотношения между разными определительными конструкциями, а также детально обсуждается типологически примечательная категория контраста.

В *третьей главе* дается описание синтаксических свойств предикатов, прежде всего глагольных, а также обзор основных конструкций тантынского предложения. Основное внимание мы уделили антипассивной конструкции, которая является яркой типологической особенностью даргинского языка, а также исследованию соотношения антипассива и лабильности.

Наиболее объемной и сложной по структуре является *четвертая глава*. Ее основное содержание составляет описание предложений различных иллокутивных типов — утверждений, вопросов, побуждений, пожеланий и восклицаний. Для каждого из этих классов предложений мы по возможности выясняли, какие типы информационной структуры в них допустимы и какие стратегии построения предложения используются для каждого типа информационной структуры. В этой же главе содержатся выводы о значении и функционировании различных видов связей в тантынских предложениях, так как именно связки — их наличие, выбор и линейная позиция — являются одним из основных средств выражения информационной структуры предложения.

Последние две главы монографии посвящены согласованию в тантынском предложении. В даргинском языке представлено как согласование по именному классу, так и согласование по лицу. Согласование по классу рассматривается в *пятой главе*. Здесь дается общая характеристика классного согласования, а затем подробно исследуется сравнительно сложный случай согласования, который мы назвали согласованием с переменным контролером. На основании полученных результатов мы выдвинули некоторые гипотезы о структуре тантынского предложения, в том числе — предположение о наличии в нем особой структурной позиции, соответствующей позиции подлежащего в номинативно-аккузативных языках.

Шестая глава по содержанию и структуре существенно отличается от прочих разделов книги: заметное место в ней занимает исследование личного согласования в различных нахско-дагестанских языках. Языки, в которых такое согласование есть, сравниваются по стандартным параметрам, которые позволяют разбить эти языки на три группы, различающиеся особенностями личного согласования. В Главе 6 также выдвигаются предположения о том, как в даргинских языках возник типологически редкий тип личной оппозиции с противопоставлением по числу во втором лице и отсутствием такого противопоставления в первом и третьем лице.

Мы дополнили описание разделов тантынской грамматики кратким словарем тантынского диалекта, а также небольшим корпусом глоссированных устных текстов, записанных нами в селении Танты.

В большинстве случаев мы не ставили перед собой задачу полной формализации полученных результатов. Основная часть сделанных в работе обобщений и выводов формулируется на естественном языке и не всегда пригодна для формализации в рамках существующих синтаксических моделей. Такое решение имеет две основные причины: во-первых, мы не хотели, чтобы результаты нашего исследования были вписаны в рамки одной конкретной синтаксической теории; во-вторых, что более важно, дело, видимо, обстоит так, что известные нам формальные синтаксические модели не позволяют получить описание, которое будет в достаточной степени адекватно, непротиворечиво и при этом свободно от избытка искусственных приемов, которые лишили бы нас ощущения естественности модели.

Все языковые данные по тантынскому диалекту получены в ходе полевой работы в селении Танты Акушинского района Республики Дагестан в 2008—2013 гг. В качестве источника языкового материала послужили как примеры, полученные путем опроса информантов, так и примеры из записанных в селении Танты устных текстов. Использование этих двух видов данных, как нам кажется, требует некоторого комментария.

Как известно, полевые исследования языка в основном опираются на два основных метода работы с информантами — *метод элицитации* (опроса информантов) и *метод документирования*. В последнем случае исследователь записывает тексты на изучаемом идиоме и в дальнейшем опирается в основном или исключительно на текстовые примеры. Следует признать, что в последнее время в полевой лингвистике все большее внимание уделяется документированию языка и порой ставится задача опоры исключительно на текстовые примеры (см., например, [Aikhenvald 2007]). Причину этого исследователи видят в том, что при элицитации исследователь всегда, вольно или невольно, воздействует на информанта, а следовательно, нельзя поручиться за полную естественность получаемых примеров (А. Е. Кибрик указывал на эти проблемы уже в давней работе [Кибрик 1972]).

На наш взгляд, подобный подход так же недостаточен, как и противоположное решение — опора исключительно на элицитацию. Проблема влияния на объект исследования в ходе эксперимента (а элицитация является одной из разновидностей лингвистического эксперимента) существует давно и осознается представителями всех научных дисциплин, использующих экспериментальные методы. Безусловно, опасность влияния исследователя на результат существует и в лингвистике. Особенно заметна она при исследовании некоторых проблем синтаксиса и семантики, когда информант вынужден переводить с языка-посредника большое количество сходных и часто очень сложных по структуре и значению предложений. В то же время верно

и то, что когда мы беремся за изучение нового, незнакомого исследователю языка, мы ни при каких методах работы не можем полностью исключить влияние исследователя на информанта: когда мы просим информанта рассказать какую-либо историю и особенно когда мы расшифровываем с ним записанный текст, просим его перевести и прокомментировать записанное, мы точно так же опираемся на его лингвистическую компетенцию, как и при элицитации, и не можем гарантировать, что никак не повлияли на проявления этой компетенции.

Таким образом, отказ от элицитации сулит лишь потенциальные, да и то не всегда однозначные преимущества, но в то же время связан с неизбежными потерями в скорости и эффективности работы, поскольку запись и обработка большого массива текстов и лишь затем извлечение из них лингвистической информации требует на несколько порядков больше времени, чем грамматический опрос (элицитация). Важно также, что только методом элицитации мы можем получить отрицательный языковой материал, который практически всегда необходим для построения фрагментов модели языка. Кроме того, у нас есть хороший способ уменьшить или даже полностью исключить помехи, которые может создать наше влияние на информанта, — для этого мы должны проверять обобщения, полученные в результате анализа элицитированных примеров, на текстовом материале.

В то же время очевидно, что существует обширный круг областей языка, изучить которые сколько-нибудь глубоко методом элицитации в высшей степени сложно. В частности, в этот круг входят исследования информационной структуры предложения. Поэтому в предлагаемой работе мы хотя и использовали результаты элицитации, но старались по возможности проверять их при помощи собранных нами текстов.

Мы считаем, что наиболее эффективным для лингвиста и щадящим для информанта является сочетание обоих методов — в соотношении, которое пока, к сожалению, определяется скорее интуитивно и зависит от целого ряда факторов — тематики исследования, сохранности и степени изученности языка, возраста и подготовки информанта, навыков и предпочтений исследователя и так далее. Метод элицитации гораздо более приемлем на начальных этапах изучения языка, при высокой степени его сохранности, при работе с относительно молодыми и хорошо знающими язык информантами. В условиях современного Дагестана два последних фактора пока еще присутствуют, поэтому мы использовали метод элицитации достаточно активно и без серьезных трудностей — помимо, разумеется, собственно лингвистических.

Анализируя тантынский материал, мы часто привлекаем для сравнения данные других даргинских диалектов, а иногда и других языков нахско-дагестанской семьи (реже — других языковых семей). Данные

о некоторых даргинских диалектах (помимо тантынского) также получены в ходе полевых исследований — прежде всего речь идет о диалектах селений Ицари, Кунки, Худуц, в меньшей степени Ашты и Мегеб. Данные всех прочих даргинских идиомов, а также всех остальных языков взяты из грамматических описаний и других работ по соответствующим языкам, а также из некоторых типологических исследований.

Глава 1 написана авторами совместно (над разделами, посвященными именам, в большей степени работал Ю. А. Ландер, а над описанием глагольной морфологии и основ синтаксиса — Н. Р. Сумбатова). Также вместе авторы подготовили тексты и словарь. Что касается прочих разделов работы, то Глава 2 принадлежит Ю. А. Ландеру, Главы 3—6 — Н. Р. Сумбатовой.

Авторы этой книги впервые посетили Танты весной 2008 года, и с тех пор поездки туда были ежегодными. Среди носителей тантынского диалекта есть человек, которому мы обязаны очень многим. Это житель селения Танты, выпускник филологического факультета Дагестанского государственного университета, завуч Тантынской средней школы Магомед Халилибрагимович Мамаев. На протяжении всех поездок в Танты мы жили в его доме, он же был нашим основным информантом, организовывал работу с другими носителями тантынского диалекта, помогал сделать запись тантынских текстов, знакомил с жизнью селения.

Мы искренне благодарны М. Х. Мамаеву, членам его семьи и всем жителям селения Танты за их неоценимую помощь, трудолюбие и гостеприимство. Следует признать, что при обсуждении многих грамматических вопросов роль, которую играл Магомед Халилибрагимович, была намного более многогранной, чем роль информанта, и скорее приближалась к роли коллеги-лингвиста. Тем не менее М. Х. Мамаев не несет ответственности за возможные ошибки в данных и неудачные теоретические решения, которые могут встретиться в нашей книге — за все слабые места работы ответственность несут Н. Р. Сумбатова и Ю. А. Ландер.

На протяжении нескольких лет в РГГУ работал даргинский семинар, участие в котором было чрезвычайно полезно для авторов этой книги. Мы многим обязаны всем его участникам, в особенности О. И. Беляеву, Н. К. Богомоловой, Д. С. Ганенкову, М. А. Даниэлю, Ю. Б. Корякову, Т. А. Майсаку, Р. О. Муталову, Н. В. Сердобольской. Мы также благодарны нашим коллегам, принимавшим участие в обсуждении различных вопросов, затронутых в нашей книге, — В. Ф. Выдрину, В. Ю. Гусеву, А. В. Сидельцеву, С. Ю. Толдовой, Т. Е. Янко.

Часть нашей работы основана на докторской диссертации Н. Р. Сумбатовой. Для нас были несомненно полезны замечания и идеи, высказанные теми, кто на разных этапах полностью или частич-

но рецензировал эту работу, — В. М. Алпатовым, Н. Б. Вахтиным, А. А. Кибриком, С. Р. Мердановой, Н. В. Сердобольской, Я. Г. Тестельцом.

За помощь в организации полевой работы в Дагестане мы выражаем самую теплую благодарность нашему коллеге Р. О. Муталову.

Еще одного человека, о котором необходимо сказать, уже нет с нами. Это А. Е. Кибрик, который больше чем кто бы то ни было другой сделал для подготовки нескольких поколений московских лингвистов и создания московской школы кавказоведения. Для одного из авторов (Н. Р. Сумбатовой) он был главным учителем лингвистики, первым, кто привез начинающих исследователей в Дагестан и познакомил с методикой полевой работы и особенностями дагестанских языков. Без тех лингвистических знаний, которые вложил в нас Александр Евгеньевич, ни полевая работа в Дагестане, ни написание этой книги были бы невозможны.

**ДАРГИНСКИЙ ЯЗЫК:
ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
СВЕДЕНИЯ**

Даргинский язык входит в нахско-дагестанскую языковую семью, в которой образует самостоятельную группу, ср. классификацию нахско-дагестанских языков, на данный момент принимаемую большинством кавказоведов [Алексеев 2001a]:

Нахские: чеченский, ингушский, бацбийский
Аваро-андо-цезские
Аварский
Андийские: андийский, ахвахский, багвалинский, ботлихский, годоберинский, каратинский, тиндинский, чамалинский
Цезские: бежтинский, гинухский, гунзибский, хваршинский, цезский
Лакский
Даргинский
Лезгинские: агульский, арчинский, будухский, кризский, лезгинский, рутульский, табасаранский, цахурский, удинский
Хиналугский

Генетически, по-видимому, наиболее близким даргинскому является лакский язык: часто говорят о лакско-даргинской языковой общности (см., например, [Алексеев 2001a], [Friedman 2010]).

На различных вариантах даргинского языка говорят более 500 тысяч человек (по оценке 2002 г.)², в основном проживающих в центральной части Республики Дагестан (Российская Федерация). Судя по данным двух последних переписей, число носителей даргинского языка в настоящее время растет, большинство его диалектов до сих пор устойчиво передается младшим поколениям; даргинский язык в целом пока не относится к числу вымирающих. Сказанное, однако, относится далеко не ко всем даргинским идиомам (см. далее).

Большинство даргинских селений расположены в горной местности, в Акушинском, Левашинском, Сергокалинском, Карабудахкентском, Буйнакском, Дахадаевском и Агульском районах Республики

² По переписи 1989 г. — 365 тыс.

Дагестан. Особняком стоит с. Мегеб Гунибского района, жители которого проживают в изоляции от других даргинцев: по преданию, они переселились в Мегеб в VIII—IX вв. н. э. из селения Муги ([Хайдаков 1985: 101]; [Услар 1892: 4]). В 60-х—70-х гг. прошлого века начался активный процесс переселения жителей горных селений на равнину, который особенно ускорился в последние двадцать лет. В результате в настоящее время существенная часть даргинцев проживает вне традиционных территорий, в равнинных селениях и городах Дагестана (в Махачкале, Избербаше, Кизляре и т. д.).

Практически все авторы, писавшие о языке или языках даргинцев, отмечают, что даргинские идиомы сильно расходятся между собой. В действительности даргинский представляет собой не единый язык, а группу языков (которую соответственно можно называть даргинской) или, точнее, лингводиалектный континуум; в нем можно выделить порядка двух десятков сравнительно крупных диалектов, которые в свою очередь имеют свои территориальные варианты (говоры). Тем не менее в большинстве лингвистических работ (включая работу М. Е. Алексева, из которой мы взяли приведенную выше классификацию нахско-дагестанских языков) даргинский описывается как один язык. Эта традиция сложилась, очевидно, в двадцатые годы XX в. — период советской политики «языкового строительства», когда был создан даргинский литературный язык и даргинская письменность³.

Понимая, что проблема разграничения языка и диалекта не имеет однозначного решения (см. об этом, например, [Вахтин, Головкин 2004: 43—44]), мы все же отметим некоторые факторы, имеющие, на наш взгляд, отношение к этой проблеме.

По предварительной оценке Ю. Б. Корякова [Коряков, Сумбатова 2007], прадаргинский язык разошелся на отдельные идиомы более 2000 лет назад (в III—IV вв. до н. э.). Иначе говоря, возраст даргинской языковой группы вполне сопоставим с возрастом таких общепринятых групп языков, как германская и славянская. Собственно лингвистические различия между даргинскими идиомами существенны на всех языковых уровнях. Наблюдаются системные расхождения фонемного состава, а также таких принципиальных черт грамматики, как количество и состав локативных серий у имен, набор базовых глагольных основ и, соответственно, производных от них видо-временных парадигм, иногда даже состав именных классов.

³ Несмотря на эту традицию, существует немало работ, в которых те или иные идиомы даргинской группы называются языками. Прежде всего это самое первое описание одного из даргинских идиомов — описание хюркилинского (урахинского) языка П. К. Усларом [Услар 1892] и описание кубачинского языка [Магомедов 1963]. Можно также отметить работы [Алексеев 2002], [Алексеев, Перехвальская 2000], [Магомедов 2010] (кубачинский язык) и [Алексеев, Темирбулатова 2002] (кайтагский язык).

Синтаксические особенности языков и диалектов даргинской группы изучены слабо, однако и здесь наблюдаются довольно неожиданные расхождения. Например, зафиксировано по меньшей мере пять разных правил контроля личного согласования (притом что эти правила известны далеко не для всех даргинских идиомов, см. Главу 6).

Часто при решении проблемы *язык vs. диалект* учитывают наличие взаимопонимаемости между рассматриваемыми идиомами, но для многих пар языков или диалектов даргинской группы далеко не просто ответить на вопрос о том, являются ли они взаимопонимаемыми. Жители даргинских селений, расположенных близко друг от друга, обычно могут достаточно свободно общаться друг с другом — как правило, при этом каждый говорит на своем варианте даргинского. Однако в такой ситуации трудно отличить взаимопонимаемость от знания языка или диалекта — почти все сельские жители в той или иной степени владеют языком соседей, хотя бы пассивно. Если же встречаются носители разных идиомов, не владеющие языком друг друга, то чаще всего они общаются на русском языке, которым владеют практически все даргинцы. В то же время есть диалекты (языки?), на непонятность и необычность которых указывают все даргинцы, — прежде всего кубачинский и мегебский.

Что касается взгляда самих даргинцев на собственный язык (языки), то сейчас все они, безусловно, знают о своей принадлежности к *даргинскому народу* и о существовании *даргинского языка*, однако этому знанию не так уж много лет. Даргинский литературный язык создан в 20-е гг. XX века на основе акушинского диалекта. Письменность на кириллической основе существует с 1938 г. Она заменила латиницу, которая, впрочем, просуществовала всего десять лет, с 1928 по 1938 гг.

Стандартизованный (литературный) даргинский язык используется в художественной литературе, в периодической печати и других средствах массовой информации (наряду с другими письменными языками Дагестана) и, что особенно важно, в учебных заведениях — помимо средних школ, это в основном высшие учебные заведения, готовящие учителей и специалистов по даргинскому языку и литературе. Однако литературный даргинский язык, как правило, не используется как средство коммуникации между носителями разных даргинских идиомов — в большинстве случаев в этой роли выступает русский.

В качестве основы литературного языка в свое время был выбран акушинский идиом. Выбор его на эту роль понятен: с одной стороны, акушинский — это вариант, используемый в Акуше — крупном селении, современном районном центре, историческом центре части даргиноязычного ареала (общества Акуша-Дарго); это вариант, имеющий несколько тысяч носителей. В некотором арифметическом смысле акушинский — один из самых простых даргинских